

Баня была общественной, в которой были мужские и женские помывочные дни. Санитарные удобства были представлены дощатыми туалетами известного в России типа «скворечник», вход в который часто закрывался просто мешковиной. В обследованных нами поселениях общественные бани исчезли. В сельских дворах частично сохранились следы планировки, относящейся к изучаемому периоду, отдельные хозяйственные и жилые объекты.

В настоящее время в генеральных планах развития сел, по крайней мере, в обследованных улусах, нет идеи сохранения или реставрации объектов КЛ, относящихся к нашему периоду. Даже явные памятники деревянного строительства рубежа XIX-XX веков воспринимаются как анахронизмы, доживающие свое время: напр., бревенчатые дома досоветского происхождения(!), до сих пор служащие жильем или служебным помещением. Якутские сельские дворы 1950-70-х гг. – образцы адаптации традиционных усадеб к поселковому проживанию, к сожалению, не оценены как уникальная часть культурного наследия, достойная внимания и сохранения. Их высокая функциональность и относительно низкая экологическая нагрузка привлекательны в свете перспектив развития сельской местности через каналы инновационной экономики и ре-миграции населения из городских поселений по разным причинам.

Афони́на Ирина Михайловна

История Кенозерской деревни Глушево в архивных документах и воспоминаниях старожилов.

Кенозерье – территория, расположенная на островах и изрезанных берегах Кенозера в начале XX в. включала 102 деревни¹. Сегодня же деревень осталось 29², 73 были утрачены и сейчас там нет ни жителей, ни домов. Но сохранились следы планировки и застройки, культурные объекты, поклонные кресты, сакральные места и другие элементы культурного ландшафта, имеющие большую историко-культурную, информационную, эстетическую ценность.

История небольшой утраченной кенозерской деревни Глушево стала предметом данного исследования.

Деревня Глушево, расположенная на северо-восточном берегу озера Кенозеро в Глушевой (или Глуцевской) лахте (залив – И.А.), имеет многовековую историю. В XIX в. на месте деревни была открыта стоянка древнего человека площадью 3 тыс. кв. м³. Таким образом, можно предполагать, что окрестности деревни, как и вся территория Кенозерья, были заселены племенами Каргопольской культуры во времена северного неолита, т.е. еще в 3 – 1 тыс. до н. э. В период освоения Кенозерья новгородцами в XII – XV вв. хозяйство и быт местных жителей не являлись стабильными, так как зависели от водных и сухопутных путей сообщения. Селение в Глушевой лахте имело значение, пока существовали волоки и водный путь по реке Кене⁴. Кенский волок, соединявший крупнейшие озера Кенозеро и Водлозеро⁵, впервые описан в XV в. в Писцовой книге Обонежской пятины, хотя и возник на много раньше. В XVI – XVII вв. появляется другая дорога в Поонежье: через озеро Водлозеро – реку Вытегру – озеро Лача, и первичный волок утратил свое значение. Северо

¹ Небеса и окрестности Кенозерья. Расписные потолки, иконы, деревенские часовни и церкви, составляющие историко-культурный ландшафт Национального парка «Кенозерский». М.: программа «Первая публикация». 2009. С. 25.

² Данные получены в МО «Кенозерское» в 2014 г.

³ Едовин А.Г. Археологическое наследие Кенозерья // Кенозерские чтения: Материалы 1 Всероссийской научной конференции «Кенозерские чтения» / Отв. ред. Е.Ф. Шатковская, ред. – сост. А.А. Куратов. Архангельск. 2003. С. 69.

⁴ Критский Ю.М. Кенозерье: история и культура: (очерки, материалы, исследования). Архангельск. 2005. С. 115.

⁵ Там же. С. 21.

– восточный угол озера Кенозеро становился забытым и глухим. По мнению исследователя истории Кенозерья Ю.М. Критского, отсюда и пошло название залива – Глущевская лахта, Глущица и самой деревни¹.

Прошлое небольшой кенозерской деревни Глущево, закономерности и особенности ее историко-культурного развития в XIX–XX в. можно представить по архивным материалам и воспоминаниям ее немногочисленных последних жителей.

Свидетельством существования деревни Глущево в XVIII является «Генеральный план (атлас) Пудожского уезда в 8-ми частях», составленный около 1788 г.² В настоящее время архивные сведения о планировке деревни в XVIII в. не выявлены, но известно, что было 2 двора, в которых проживали 7 мужчин и 9 женщин³.

Дома были построены в два ряда, фасадами друг к другу, вдоль ручья, на поляне, являющейся плоской вершиной крутого берега Глущевой лахты. Ручей Худой, разрезавший поляну и холм, делил деревню на две параллельные линии и являлся своеобразной улицей. Несмотря на наличие ручья в центре деревни и близость озера Кенозеро (около 50–100 м – И.А.) жители пользовались колодезной водой из четырех частных и одного общего колодцев. Ручей, как поясняют глущевцы, был «мутный, из болота тек, поэтому воду из него не брали, а озеро находилось далеко под горой» (Лукина Анна Михайловна (1933 – 2012)⁴. Географические особенности Глущевой лахты и планировки деревни Глущево получили свое отражение в местном фольклоре. «Не ходите девки замуж, где высокая гора, у кого силёнки мало, тяжело носить вода», – говорили жители других кенозерских деревень (Глущевский Михаил Васильевич, 1928 г.р.). В деревне Глущево проживал сказитель былин Глущевский Макар Петрович, которого записывали во время экспедиции Б.М. и Ю.М. Соколовых в 1926–1928 гг.⁵ От Лоскутовой Матрены Васильевны во время фольклорной экспедиции в 1982 г. была сделана запись песни:

А по Шишкиной канава копана,
По горушке Глущево видно,
По Глущине пароходики бежат,
В пароходах добры молодцы сидят⁶.

Приходская жизнь крестьянского сообщества Кенозерья сосредотачивалась преимущественно вокруг часовен. Предположительно во II пол. XIX в. в центре деревни, на левом берегу ручья Худого была построена часовня «Во имя Собора Пресвятой Богородицы»⁷, приписанная к Кенозерскому приходу (илл. 1). Точная дата возведения

¹ Критский Ю.М. Кенозерье: история и культура : (очерки, материалы, исследования). Архангельск. 2005. С. 115.

² Небеса и окрестности Кенозерья. Расписные потолки, иконы, деревенские часовни и церкви, составляющие историко-культурный ландшафт Национального парка «Кенозерский». М.: программа «Первая публикация». 2009. С. 25;

³ РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 3359. Л. 13.

⁴ Здесь и далее воспоминания жителей Кенозерья (Буянова Владимира Александровича, 1936 г.р., м.р. – д. Горы, м.п. – г. Мурманск; Лоскутова Василия Михайловича (1941 – 2011), м.р. – д. Глущево, м.п. – д. Вершинино; Глущевского Михаила Васильевича, 1928 г.р., м.р. – д. Глущево, м.п. – д. Вершинино; Лукиной Анны Михайловны (1933 - 2011), м.р. и м.п. – д. Горы; Филипповой Нины Михайловны, 1942 г.р., м.р. – г. Пудож, м.п. – д. Вершинино; Филиппова Нина Федоровна, 1947 г.р., м.р. – д. Захарово, м.п. – д. Шишкино) приводятся по записям, сделанным в рамках реализации программы паспортизации деревень и хранящимся в электронном научном архиве ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский» (сокращения: г.р. – год рождения, м.р. – место рождения, м.п. – место проживания информанта).

⁵ Неизданные материалы экспедиции Б.М. и Ю.М. Соколовых. 1926-1928. По следам Рыбникова и Гильфердинга: в 2 т. Том 2. Народная драма. Свадебная поэзия. Необрядовая лирика. Частушки. Сказки и несказочная проза. Творчество крестьян. М.: ИМЛИ РАН, 2011. – С. 367.

⁶ Дранникова Н.В. Песни о разных по наименованиям деревнях Каргопольского и Пудожского уездов Олонецкой губернии // Кенозерские чтения: Материалы 1 Всероссийской научной конференции «Кенозерские чтения» / Отв. ред. Е.Ф. Шатковская, ред. – сост. А.А. Куратов. Архангельск. 2003. С. 57.

⁷ Мелютина М.Н. Сакральный ландшафт Кенозерья: монография = Kenozero sacred landscape / М.Н. Мелютина, Н.М. Терехихин; М-во образования и науки Арханг. обл., Сев. (Аркт.) федер. ун-т им. М.В. Ломоносова, Нац. парк «Кенозерский». Архангельск. 2013. С. 199.

часовни в деревне неизвестна, нами выявлено пока упоминание часовни в Клировых ведомостях Успенской церкви, которое относится к 1890 г.. Основным причиной строительства часовни в Глущево является особое географическое расположение ее, находящейся на другом берегу Кенозера. Поэтому сообщение с приходским собором было затруднено, а во время замерзания или таяния озера становилось невозможным. Небольшая глущевская часовня размером 4х4м, традиционного для Кенозерья клетского типа, состоит из основного сруба и паперти. Вся конструкция крыта двухскатной кровлей с маленькой луковичной главкой. В часовне, по воспоминаниям местных жителей, был иконостас, «к потолку крепилась люстра с толстыми свечами, в углу стояла небольшая тумбочка» (*Глущевский Михаил Васильевич, 1928 г.р.*).

По старому русскому обычаю, в праздник «Собора Пресвятой Богородицы», приходившийся на 8 января (26 декабря по старому стилю – *И.А.*), женщины ходили к родильницам с пирогами. В часовню во имя «Богородицы и Жен Мироносиц» (местное название) в деревню Глущева приходили будущие матери с молитвой Богородице о помощи: «Жена Мироносица, всему миру помощница, помоги»¹. Так же в этот день «все ходили Богу молились. На праздник готовили суп без мяса, суп с мясом, рыбники, калитки, потом шли блины и кисель, из ржаной или житной муки». (*Глущевский Михаил Васильевич, 1928 г.р.*). В настоящее время часовня «Во Имя Собора Пресвятой Богородицы» почти полностью разрушена, утрачен часовенный иконостас (илл. 2).

В окрестностях деревни, на болотистой местности, жителями деревни был поставлен поклонный крест, который со временем обветшал и упал.

В 1873 г. в деревне Глущево Пудожского уезда Олонецкой губернии насчитывалось 6 дворов и 43 жителя (22 мужчины и 21 женщина). В 1905 г. в Трихновском сельском обществе Вершининской волости, в состав которого входило Глущево, было 8 семей (32 мужчины и 32 женщины, которые расселялись в 7 домах². Деревня находилась в 124 верстах от уездного города, 7 – от волостного правления, 3 – от ближайшего поселения, 5 – от школы, 72 – от почтового отделения, 135 – от паровой пристани³.

В I пол. XX в. наблюдается увеличение домов до 18–20, из которых к середине прошлого столетия осталось лишь около 12 (*Буянов Владимир Александрович, 1936 г.р.*). Дома были традиционные северные «четырёхстенки и пятистенки, в деревне находилось 3 двухэтажных дома». (*Лукина Анна Михайловна (1933 – 2012)*). Были в деревне и традиционные хозяйственные постройки: «два гумна для обмолота зерновых, почти у каждого хозяйства был амбар» (*Глущевский Михаил Васильевич, 1928 г.р.*).

Все семьи, проживавшие в деревне Глущево, были связаны крепкими родственными узами, что закономерно для северно-русских поселений. По воспоминаниям местных жителей, население деревни делилось на два рода. Основателем рода Лоскутовых являлся новгородец Петруша Лоскутов (1820–1916), поселившийся на берегу Глущевой лахты в первой половине XIX в. и имевший двух сыновей – Степана и Фаддея и 3 дочерей (*Лоскутов Василий Михайлович (1941 – 2011)*).

По свидетельству другого жителя деревни – Глущевского Михаила Васильевича, основателем деревни стал поляк, сосланный в окрестности озера Кенозеро в 1830-е г. В 1830–1831 гг. в Польше произошло национально-освободительное восстание, и значительное количество политически активных поляков было выслано из Царства

¹ Ведерникова Н.М. Фольклор как способ отражения культурного ландшафта: по материалам экспедиционных выездов 2000-2002 гг. // Культурный ландшафт как объект наследия. Сост.: Веденин Ю.А., Кулешова М.Е. М, Ведерникова Н.М. и др. М – СПб. 2004. С. 299.

² Критский Ю.М. Кенозерье: история и культура: (очерки, материалы, исследования). Архангельск, 2005. С. 115.

³ Список населенных мест Олонецкой губернии по сведениям за 1905 год / Олонецкий Губернский Статистический Комитет; Сост. И.И. Благовещенский. Петрозаводск: Олонец. губ. тип., 1907. С. 246.

Польского и расселено в различных губерниях Российской империи, в том числе в Олонецкой и соседней – Архангельской губернии, в которой в XIX в. проживали поляки – «выходцы по мятежу в 1830 – 1831 гг.»¹. А уже в 1880 г. по «сведениям о численности народонаселения и населенности ... по Архангельской губернии» поляков насчитывалось 509 человек². Необычное происхождение фамилии Глуцевских является своеобразной семейной гордостью, представители рода, на протяжении почти 200 лет ассимилировавшиеся с русским населением Кенозерья, продолжают называть себя «поляками». Вместе с сосланным поляком на берегу лахты в северо-восточной части Кенозера поселилась еще одна семья – Кусачевы, впоследствии породнившаяся с Глуцевскими (*Глуцевский Михаил Васильевич, 1928 г.р.*). Постепенно род Глуцевских становится почти единственным в деревне. Так в 1940-е гг. – в период наивысшего расцвета Глуцево, в деревне проживали:

1. Глуцевский Иван Васильевич с женой и 7 детьми. Их дом стоял у часовни. Иван Васильевич всю жизнь занимался охотой.
2. Глуцевский Степан Иванович с женой Марией Николаевной и 1 ребенком.
3. Лоскутов Михаил Фадеевич с женой и 4 детьми.
4. Глуцевский Алексей Никитич с женой Ксенией Егоровной.
5. Глуцевский Василий Алексеевич с женой Еленой Васильевной и 3 детьми.
6. Глуцевский Сергей Григорьевич с женой Натальей Фёдоровной.
7. Глуцевский Матвей Васильевич с женой Анной Лаврентьевной и 5 детьми.
8. Глуцевский Степан Васильевич с женой и 5 детьми.
9. Глуцевский Василий Степанович с женой Александрой и 2 детьми.
10. Глуцевский Макар Петрович с женой и 8 детьми: Анной, Параскевой, Зинаидой, Феоктистой, Петром, Александром, Василием, Михаилом.
11. Глуцевский Михаил Макарович с женой Марьей Осиповной и 5 детьми: Евдокией, Зоей, Велей, Борисом, Ниной.
12. Шишкин Матвей с женой Анной Петровной с детьми. Переехали в Глуцево из деревни Щанниково.
13. Глуцевские Иван Алексеевич и Василий Алексеевич жили в той части деревни, которая называлась «Горюново».
14. Глуцевский Василий Николаевич с женой и детьми. Их сын Иван Васильевич Глуцевский был командиром подводной лодки.
15. Глуцевский Трофим Григорьевич и 4 детей.

Местное население традиционно жило натуральным хозяйством, своим трудом обеспечивая себя всем необходимым. Жители деревни занимались земледелием, выращивали рожь, овес, ячмень, также лен, репу, картошку. Деревня не имела своей мельницы, жители ездили в лахту Глуциху и в Щенник. Еще одно характерное занятие местного населения – домашнее скотоводство: разводили коней, коров, коз, овец. Одевались очень просто: «я носил портные штаны, рубаху, кафтан тяжёлый мужской, ткани были из шерстяной нити, ридьенцы (рубаха –И.А.) были у мужиков, осенью одевали, застёжки не было, с поясом, у горла дырка» (*Глуцевский Михаил Васильевич, 1928 г.р.*). Так же традиционно занимались рыболовством и охотой («белку били, медведей били с ружьями с собаками»). Глуцевский Иван Васильевич, охотничий трофей которого составил 72 медведя, был знаменит не только в Кенозерье, но и получил всесоюзную известность (илл. 3). В конце 1930-х г. он был премирован поездкой на ВДНХ (Выставка достижений народного хозяйства СССР), которая ежегодно проходила в Москве.

¹ ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 1581. Л. 5.

² ГААО. Ф. 6. Оп. 8. Д. 95. Л. 4 об.

В 1932 г. в деревне был образован колхоз «Охотник», спустя 20 лет в деревне «были построены телятник и конюшня» (*Филиппова Нина Федоровна, 1947 г.р.*). Жители деревни, жившие коллективным хозяйством последние годы существования селения, какое-то время продолжали сохранять традиционные промыслово-ремесленные навыки, складывавшиеся веками. «На Глущеве лодки шили Глущевский Иван Васильевич и Михаил Васильевич (илл. 4), дед Макар (Глущевский Макар Петрович – *И.А.*) плел корзины, дед Матвей (Глущевский Матвей Васильевич – *И.А.*) делал дровни. Местные жители также катали валенки и шили сапоги (*Лукина Анна Михайловна (1933 – 2012)*). Владели некоторые жители Глущево и знахарскими знаниями, могли лечить отдельные заболевания. «Матрёна Лоскутова много знала заговоров (Матрена Васильевна Лоскутова – *И.А.*). Марья Петровна Глущевская мне ухо заговаривала, у уха заговаривала ножницами и сразу всё проходит. Дед Василий Степанович Глущевский – чирый мне заговаривал, чертил вокруг сука на полу» (*Глущевский Михаил Васильевич, 1928 г.р.*).

Хозяйственную жизнь деревни Глущево наглядно характеризуют названия отдельных полей и пожен, являющиеся одновременно иллюстрацией интересной топонимической истории окрестностей. «Поля за деревней назывались «Суханово», «Оброчное». Недалеко от деревни есть лесное озеро, которое называли «Озерком». Пожни были до Лахты Глушихи: 1-ая от деревни Лушачиха, 20 заколин сена на ней ставили (в Кенозерье заколинами называют круглый стожок сена, складываемый вокруг кола – стожара, несколько заколин вместе, кол от кола на сажень, образуют зарод – *И.А.*). Пожня Ручьи – 4 пожни по 2 заколины. Пожня Рылово – 9 заколин сена. Пожня Зеленицкая Лахта – 5 заколин сена, Подминькинье – последняя пожня перед Лахтой. В сторону деревни Щенник: у кладбища Мальвино большая первая Лахта – 12 заколин, вторая Лахта – 10 заколин, Крестова – 5 заколин, Большая пожня – 15 заколин» (*Глущевский Михаил Васильевич, 1928 г.р.*).

Сокращение численности жителей деревни в XX в. и ее постепенное запустение происходило закономерно истории страны. Существенно количество местного населения уменьшилось в годы Великой Отечественной войны, с полей боевых сражений не вернулось 9 глущевцев. «Тяжело жили в годы войны. На Глущево всех мужчин убили, никто с войны не вернулся. Папа (Глущевский Михаил Борисович – *И.А.*) погиб на войне. У Матрены (Лоскутовой Матрены Васильевны – *И.А.*) мужа убили. У Глущевского Михаила Васильевича тоже отца убили. У Маши Кусачевой (деревенское прозвище – *И.А.*) тоже мужа не было, одна детей растила. У Марии Волушиной (деревенское прозвище – *И.А.*) тоже муж был убит. Правда, у Глущевского Матвея Васильевича сын вернулся домой, но потом утонул. Так и жили одни старухи, одни бабы» (*Филиппова Нина Михайловна, 1942 г.р.*). «Картошки накопам, пойдем гнилу собирать. Росли таки пестухи высоки, наверху таки головушки, мы ходили эти пестухи собирали, с гнилой картошкой эти пестухи растолклет мама, разделат и вот таки лепешки пекла. Вот так и жили, я думала – не выживем, а выжили, очень тяжело было, из детей никто не умер, пятеро остались и все живы» (при цитировании сохранены особенности речи информанта – *И.А.*) (*Филиппова Нина Михайловна, 1942 г.р.*).

В конце 1950-х гг. в связи с политикой укрупнения сельского хозяйства, осуществлявшейся в СССР, многие жители были вынуждены покинуть родные места. Первым в деревню Вершинино переехал Александр Иванович Глущевский (1902 – 1974), который в начале 1970-х гг. возглавлял совхоз «Кенозерский» (илл. 5). Последней покинула деревню Глущевская Елена Васильевна. В настоящее время в деревне Вершинино проживает последний житель Глущево, родившийся в ней – Глущевский Михаил Васильевич.

Вместе с жителями во второй половине XX в. стали «переезжать» деревенские строения, многие дома были перевезены или проданы владельцами в другие населенные

пункты. «На деревню Погост перевез Юрьев Алексей Константинович, у Божаткиных братьев Пети и Феди купил. У Губиной Матрены Федоровны (дом Колесовых) дом с Глущева. Третьяков дом (теперь Подосенова Сергея) – тоже с Глущева. На Погост дом перевезла Артемьева Светлана. Дом Феди (Волка) тоже с Глущева. У Аникиева Бориса Павловича дом сначала в Рыжково перевезли, потом он выкупил дом и перевез его на деревню Горы. У Гусевой Антонины Ивановны дом с Глущева был перевезен, раньше принадлежал он Глущевскому Борису Михайловичу. Дом Нечаева Саши был куплен у Глущевского Матвея Васильевича» (*Лукина Анна Михайловна (1933 – 2012)*).

Таким образом, к концу XX в. деревня Глущево оставлена жителями полностью, жилые и хозяйственные постройки либо были вывезены, либо разрушились, почти все поля и пожни постепенно заросли мелколесьем, видоизменился традиционный культурный ландшафт, складывавшийся столетиями. Только лишь два участка земли хозяйственного назначения, где до сих пор жителями деревни Вершинино ведется заготовка сена, и полуразрушенная часовенка напоминают о некогда существовавшей в этих местах кенозерской деревне Глущево.